

Чернова М. А.

СЕМЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 91-93. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

[Кривошеев 2000: 61]. Но, следует отметить, что методы эти ни к чему не привели и к началу 70-х г.г. стал проявляться большой интерес к среде недавно освобожденного крестьянства. Молодежь призывали бросать университеты и отправляться в деревню. «Для того, чтобы сделать русского крестьянина настоящим революционером, он должен проникнуться пропагандой, которая откроет ему глаза на несправедливость указа об освобождении, а также на причины его экономических бедствий, на сговор церкви, царя и государства против него» [Кривошеев 2000]. Молодые интеллигенты могли предаваться разговорам о бескорыстном братстве, находясь по большей части, на попечении родителей. А русский мужик вечно боролся сам, своими силами за скудные ресурсы и оттого смотрел на эти разговоры с недоверчивостью и мало в них верил. Таким образом, подготовка будущей революции откладывалась.

«Хождение в народ» революционеров-разночинцев в 1874 г. закончилось их глубоким разочарованием. После этого последовало начало перехода движения разночинцев от метода активной пропаганды народа к другому способу ведения борьбы – **террору**, направленному непосредственно против институтов и конкретных представителей самодержавия. Именно эти принципы и легли в основу создания тайной организации, возникшей в Петербурге 1876 г.

Народническое «хождение» начала 70-х г.г. несколько отличалось от прежнего. Новое направление своей главной задачей ставило работу в народе, но не ограничивалось только средой крестьянства, а проводило агитацию и в армии, и в городе.

Следует заметить, что и эта народническая доктрина потерпела крах. Несмотря на усердие и упорство народников, крестьяне не менее упорно не поддавались «бунтарской» пропаганде.

2 период: 1880 - 1902 г.г. Революционная деятельность народовольцев привела к убийству императора Александра II. В крупнейших центрах империи появляются специальные учреждения тайного политического сыска – охранные отделения. Правительство создает первые нормативные акты, регулирующие политический контроль, сыск, следствие и судопроизводство по политическим делам, перлюстрацию корреспонденции. Объединение в одних руках функций политического контроля, сыска и предварительного следствия по делам о государственных преступлениях способствует применению политической провокации. Агентура применяется сообразно собственным представлениям начальников розыскных учреждений, накапливается опыт ее использования. Основным средством тайного сыска является использование наружного наблюдения. Появляются первые крупные внутренние агенты, которых используют главным образом центральные органы охраны [Жаров. 2000: 12].

Исходя из изложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что эффективность методов сыска, применявшихся царской охранкой, была настолько велика, что опыт ее использовался и используется системой государственной безопасности до сих пор. В.В. Романов считает, что политический сыск (розыск), организованный на правовой нормативной основе в сочетании с системой политического контроля, должен занять достойное место в государственном механизме правового государства. Причина поражения охраны в борьбе с революцией заключается не в методах сыска, а в том, что бороться с оппозицией репрессивными методами государство может лишь в условиях поддержки его действий народом или, в крайнем случае, при политической пассивности и индифферентности населения страны. Одним из важнейших условий эффективности нормативного регулирования была его **секретность**, которую охранка не сумела полностью обеспечить.

Список использованной литературы

1. **Беляев И. Д.** История русского законодательства / И.Д. Беляев. – СПб., 1999. – С. 494.
2. **Жаров С. Н.** Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: автореф. дисс.... канд. юрид. наук / С.Н. Жаров. – Екатеринбург, 2000. – С. 12.
3. **Костомаров Н. И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – М., 2004. – С. 395 – 398.
4. **Кривошеев М. В.** История Российской империи / М.В. Кривошеев, Ю.В. Кривошеев. – СПб., 2000. – С. 61.
5. **Орлов А. С.** История России / А.С. Орлов. – М., 1999. – С. 144.
6. **Романов В. В.** Организация и деятельность политической полиции Поволжья в конце 19 – начале 20 в.в. / В.В. Романов. – М., 2003. – С.10.

СЕМЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Чернова М. А.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Семья являлась стержнем Сербского средневекового государства и на ней основывалась как общественная, так и экономическая жизнь Сербии. Поэтому неудивительны ожесточенные споры историков и социологов о структуре и величине сербских (и балканских) семей, о роли задруги.

Обычно, в исторической литературе, говоря о жизни балканских крестьян, используют такие понятия как дом, семья, домохозяйство и «задруга». Большинство историков (А. С. Јовановић, С. Новаковић, В. Поповић и др.) сходятся на том, что все эти понятия, по сути, могут употребляться как синонимы. Разница между ними состоит в структуре. Согласно такому критерию под семьей подразумевается общность родителей и их детей

(подобно современному понятию нуклеарной семьи). Собственно, самого слова «семья» (породица) в сербском языке не существовало. Вместо него употреблялось слово «пород», что означало потомство.

Понятия «дом, домохозяйство и задруга» охватывают собой две и больше семей по мужской линии: отца и женатых сыновей, или несколько женатых братьев.

По замечанию М. Бобић, до принятия Законника, то есть до середины XIV века, документы свидетельствуют о преобладании больших семей, когда семья «родители – дети» растворялась в большей семье – роде [Бобић М. 2001: 322]. Источников, рассказывающих о семье, сохранилось крайне мало. Большие семьи встречаются в ряде жалованных грамот монастырям: Святостефанской повеле короля Милутина Баньскому монастырю, Дечанском хрисовуле, Архангельской повеле Стефана Душана, а так же о семье сообщает Законник Стефана Душана. Впервые упоминание о семье можно встретить в грамоте короля Стефана Владислава монастырю Богородицы на реке Лиме. Говоря о меропхах (зависимой категории сельского населения в Сербии, которые так же впервые упоминаются именно в этом документе), Стефан Владислав в грамоте оговаривает, что «сын (меропха) женившись, живет вместе с отцом три года, а после трех лет он поступает в особую работу церкви» [Новаковић С. 1912: 589]. Грамоты рассказывающие о больших семьях не являются равноценными. Так, на пример, наиболее ценностью представляют такие источники как Дечанский хрисовул и Святоархангельский хрисовул, где поименно перечисляются крестьяне, принадлежащие этим монастырям и указываются, так же, их родственные связи. Обзор этих грамот говорит о том, что преобладающим типом семьи в средневековой Сербии являлась большая семья – задруга. Если рассматривать задругой и семью состоящую из отца и хотя бы одного женатого сына живущего под одной крышей, и, так называемую, «братскую» задругу (когда под одной крышей жило несколько женатых братьев), то тогда из всех перечисленных в грамотах семей задруги составляли: в Баньском монастыре 77,2%, во владениях Дечанского монастыря 83, 4%, а в Архангельском 92, 5% [Павковић Н. 2004: 313].

Задруга могла включать в себя (и чаще всего включала) до трех поколений проживающих под одной крышей, а так же женатых братьев, племянников, но, кроме того, и более дальних родственников, как например зятьев и тестей, шуринов. В отличие от строгой мужской линии родства, супруги не всегда могли жить в доме мужа. Появление в задруге зятя с тестем и (или) шуринами, говорит о том, что зять не ушел в дом жены, потому что она не имела братьев. Причем средневековые источники весьма отрывочны и умалчивают о том, почему тесть принимал зятя в свой дом даже тогда когда имел своих сыновей.

Понятие дом (как часть семьи) начинает фигурировать лишь в Законнике Стефана Душана. В статьях 52, 70 и др. в качестве необходимых атрибутов дома являются огонь, хлеб и имущество. То есть под домом подразумевались люди, собранные около одного очага, вместе принимающие еду и совместно владеющие определенными земельными владениями [Бобић М. 2001: 322]. Законник уже свидетельствует о разделении в домохозяйстве, об отделении женатых сыновей от отца, братьев друг от друга, что подразумевало формирование малых семей. Таким образом, население средневековой Сербии жило как в малых семьях (родители с детьми), так и в больших семьях, сложных по составу. Следует иметь в виду, что источники рассматривали семью исключительно в качестве фискальной единицы. Так, 70 статья Законника гласит: «кто живет в одном доме, но отделенный хлебом и имуществом, или братья или отец с сыном или иной кто, и если будут они на одном очаге, но в том отделены, пусть работают, как и иные люди» [Радојчић Н. 1960: 57]. Сербские историки по-разному оценивали эту статью. А.С. Йованович полагал, что в данном случае подразумевается разделение в каком-то личном имуществе (как например приданое жены), но общим остается владение землей. С. Новакович же утверждал, что разделение здесь имело место полное и люди лишь физически находились вместе под одной крышей (у одного очага). Этим, в частности, он объяснял феномен сербской большой семьи - задруги, существование которой, по его мнению, было вызвано кризисными условиями в обществе, когда феодальная сербская, а затем турецкая власть способствовала существованию больших семей, поскольку такому большому родственному объединению легче было выполнять многочисленные работы и платить налоги [Новаковић С. 1943: 63-64]. Если в случае работ и повинностей для сербских крестьян живущих в одном доме, но отделенных имуществом, Законник предполагал определенные льготы, то совсем по иному дело обстояло в случаях ответственности за преступление. 52 статья Законника гласит: «За измену и всякое согрешение (отвечает) брат за брата и отец за сына, родич за родича; те же, что отделены от виновного в своих домах, если не совершили ничего, то и не платят ничего, а тот кто совершил, того дом и платит» [Радојчић Н. 1960: 57]. Помимо ответственности всей большой семьи проживающей в одном доме за совершение преступления одним из ее членов, данная статья Законника так же свидетельствует и о существовании малых, отделившихся семей живущих отдельно.

О существовании и даже некотором возрождении больших семей – родов, особенно на территории современной Черногории, писали и К. Иречек и С. Новакович. Важные свидетельства о больших семьях дают дефтеры. Так, например, опись области Бранковича, предоставляет информацию о количестве домов в определенном населенном пункте, о родственных связях среди мужского, работоспособного и выполняющего повинности населения. В описи встречаются совсем небольшие села с 1 - 5 домами и крупные, например с 37, 45, 77, 95 домами. По дефтеру невозможно определить, сколько податей платил один дом, одна семья, однако опись дает картину того, что села с одинаковым количеством домов давали в казну разную сумму доходов. Село Башаник (вероятно в районе реки Топлицы) состояло из 1 дома и приносило доход в 100 акчи [Зиројевић О. 1968: 394]. Очевидно, что в данном селе речь шла об одной большой семье. На предположение о существовании в Сербии больших семей, помимо дефтеров, наталкивает и грамота князя Лазаря монастырю Раванице, в кото-

рой он дарит своей задужбине в городе Смедерево «людина Богосава с опкиномь и с баштином» [Новаковић 1912: 769], а так же «у Крушевца в Спизлях Огняна с Бранком сином с општином и с баштином» [Новаковић 1912: 770]. Вероятно, под общиной в данном случае подразумеваются большие семьи, главами которых и являлись «людин» Богосав и Огнян с сыном Бранком.

Тем не менее, археологические исследования деревенских домов в средневековой Сербии приводят к выводу, что среднее число членов одного домохозяйства колебалось от 4 до 6 человек [Поповић М. 2004: 75]. Сама организация деревенских домов, часто однокомнатных помещений, говорила о коллективном образе жизни сербских крестьян, что отнюдь не исключало и вмешательства частного в эту коллективную жизнь. Так, женившийся член большой семьи получал привилегию со своей невестой покинуть перенаселенный дом с очагом, т.е. коллективную спальню и перейти на ночлег в так называемый ваят – небольшое деревянное помещение расположенное недалеко от дома, в котором не было очага и вообще не разжигался огонь. Именно там начиналась новая семья и рождалось потомство [Поповић М. 2004: 79].

Таким образом, стоит отметить, что источники свидетельствуют о достаточно не простом переплетении разных видов семей в Сербском средневековом государстве. Сербские источники же позволяют проследить этот феномен средневекового общества в целом на Балканах, поскольку для других стран (например, Болгарии) они практически не сохранились.

Список использованной литературы

- Бобић М.** Куће, породице и задруге // Насеља и становништво области Бранковића 1455 године. Београд: САНУ, «Службени гласник», 2001.
- Зиројевић О., Ерен И.** Попис области Крушевца, Топлице и Дубоцице // Врањски гласник, 25, 1968.
- Новаковић С.** Село. Београд: Српска књижевна задруга, 1943.
- Новаковић С.** Законски споменици држава средњег века. Београд: Српска краљевска академија, 1912.
- Павковић Н. Ф.** Живот у породици // Приватни живот у српским земљама средњег века. Београд: СЛЮ, 2004.
- Поповић М., Милошевић Г.** Живот на селу // Приватни живот у српским земљама средњег века. Београд: СЛЮ, 2004.
- Радојичић Н.** Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд: Научно Дело, 1960.

ДИНАМИКА ЗНАЧИМОСТИ ОБРАЗА ПТИЦЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

Чигаева В. Ю.

Кемеровский государственный университет

Образ птицы – один из наиболее популярных в традиционной культуре народов Прибайкалья и Забайкалья, а в сравнении с другими сибирскими регионами, на данной территории изображения птиц и наиболее широко представлены в видовом отношении и по численности, особенно водоплавающие и хищные виды. Нами отмечено, что изображения птиц встречаются на скалах этого обширного региона на протяжении всего времени от неолита до этнографической современности. В ходе исследования нами были изучены материалы 112 памятников наскального искусства, в числе которых Тальма, Куленга, Куницыно, Шишкино, Рисунки за мельницей, Никольский ручей, Саган-Заба, Бухта Ая, Хоргой, Писаница Сарминского ущелья, Баян-Уула, Усть-Кяхта (пункт I-III), «Деревенская гора», Худжир, Табангутское Обо, Шартыкей, писаница у деревни Югово, писаница против Баяна, гора Чомник, Нарин-Хундуй, Сарбадуй, Цаган-Усунская МТС, Боргой-Сельгир, Мухундук, Селендума, Семёновский утёс, гора Боо, Номохоново, Улаан-Темник, Темник, Село Поворот, гора Арангата, Новоселенгинск, Падь Сонгино, Мондогор-Хабсагай, Кибалино, Большой Алтан, скала «Бочка», Бэшегтуу (пункт 1), Павлова гора, Надеино, Янгажинский Дацан, Саянтуй, Острая Сопка (Баин-Тогоу), Верхняя Буреть («Пещерный утёс»), Душелан, Куртун, Писаницы Первого (Верхнего) Каменного острова, гора Голубинка, Большекадинские писаницы, Речка Каменка, Свирск, Писаницы на Третьем (Нижнем) Каменном острове, Скала у дер. Манзи и многие другие. Всего на исследуемой территории зафиксировано 1013 изображений птиц. Все рисунки птиц можно условно разделить на: 1) самые часто встречаемые – это орлы (219 рисунков); 2) наиболее часто встречаемые – это соколы (184 рис.), ястребы (168 рис.), птицы без характерных признаков вида (146 рис.), коршуны (102 рис.) и гуси (88 рис.); 3) более или менее часто встречаемые – утка (21 рис.), лебедь (12 рис.), выпь (14 рис.), глухарь (20 рис.); 4) редко встречаемые – журавль (4 рис.), чайка (4 рис.), ласточка (5 рис.) и 5) единичные изображения – крохаль (1 рис.), шилохвость (2 рис.), кулик (2 рис.), тетерев (1 рис.) и ворон (1 рис.).

В целом по количественному соотношению рисунков птиц на каждом хронологическом этапе наблюдается следующая картина. В эпоху неолита, когда образ птицы впервые получил своё распространение на территории Прибайкалья и Забайкалья, отмечено всего 2 рисунка птиц. Затем в самусьско-окуневское время (энеолит) роль образа птицы начинает постепенно увеличиваться. Об этом свидетельствует несколько увеличившееся количество рисунков птиц в данный период – 8 рисунков. В эпоху бронзы образ птицы уже достаточно популярен и встречаем на писаницах Забайкалья и Прибайкалья. На данном этапе на скалах зафиксировано 79 орнитоморфных изображений. Пик значимости образа птицы в наскальном искусстве исследуемых регионов наблюдается в переходный период от эпохи поздней (развитой) бронзы к раннему железному веку – 669 изображений птиц. В скифское время – раннем железном веке – роль образа птицы в наскальном искусстве и, как